

Круг проблем не сужается

Экономические проблемы, вопросы, связанные с ПРО, а также ситуация вокруг Чечни вошли в круг обсуждаемых проблем на встрече 1 февраля лидера Объединения "Яблоко" Григория Явлинского с госсекретарем США Мадлен Олбрайт.

При обсуждении проблемы Чечни, по словам лидера "Яблока", "затрагивалась часть этого вопроса, связанная с действительным существованием в Чечне крупных террористических подразделений, которые представляют угрозу не только для России, но и для всего этого региона".

Лидер "Яблока" сообщил, что на встрече речь шла о проблеме создания европейской системы ПРО, куда могли бы войти "страны входящие в единую систему безопасности Европы, являющиеся, по существу, натовскими, и Россия". Подобная система, по словам Г. Явлинского, могла бы

быть построена "на российских технологиях и с российским технологическим и военным участием". "В условиях нарастания терроризма в мире это было бы очень правильным решением для России", – считает Г. Явлинский.

Подобная система, по его мнению, явилась бы защитой для России от террористических пусков ядерных ракет. "Мы не считаем, что такая проблема стоит только перед США. Она стоит и перед Европой", – заявил Г. Явлинский.

(По сообщениям Интерфакса)

Точка зрения

Извлечение уроков

"Яблоко" как политическое объединение возникло в канун выборов 1993 года, вобрав в свои ряды наиболее активную часть интеллигенции. И, надо признать, сумело приобрести узнаваемое лицо в прямом и переносном смысле. Лидер "Яблока" говоривший правду и только правду, нашел своих сторонников в среде наиболее образованной части общества, понимавшей "что к чему", "откуда" и "почему". Ученые, педагоги, работники культуры, юристы и экономисты, студенчество – стали базой "Яблока". И не случайно "опорными" территориями показали себя Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск.

Выборы и получение достойного места в Государственной Думе, а также в некоторых регионах вселяли надежду... Без политической оценки лидером "Яблока" тех или иных событий не обходилась ни одна уважающая себя газета, теле- или радиопрограмма.

"Яблоко" провозгласило себя оппозицией существующей власти, порядку, президенту, экономической политике, войне в Чечне и т.д. "Яблоко" клеймило казнокрадов и взяточников, "неправильных" деятелей политики и бизнеса.

И ведь нечему было возразить. И вот новые выборы, снова экзамен. Итоги 1999 года заставляют задуматься. Вечные вопросы: "Быть или не быть?", "Кто виноват?" и "Что делать?" не дают покоя.

Однако, не взирая ни на что, ответ на первый вопрос однозначен – быть! Объективности ради: "Яблоко" – одна из немногих партий, имеющая четко сформулированные программу, принципы и взгляды на все основные проблемы современного развития России. Она не поворачивается флюгером по ветру конъюнктуры.

Кто виноват? Виновны и лидеры, и рядовые члены!

Урок первый. Нельзя провозглашать себя партией для народа и быть вне этого народа, не учитывать его мнения и настроения, его менталитета.

Урок второй. Отрицание всего и всех не может быть аргументом в споре. Слушающие не оценят. Нужны доказательства обратного.

Урок третий. "Кто не с нами, тот против нас!" С таким лозунгом можно остаться одному. Политика – искусство компромиссов. Нельзя отречься от "своих" и объявлять им анафему только за то, что они пошли на эти самые компромиссы.

Урок четвертый. "Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропа-

ло даром..." Такой некролог классика на "яблочном" памятнике – не лучший след в истории.

Что делать? Не претендуя на истину в последней инстанции, риску дать несколько советов.

Совет первый. Не уподобляясь флюгеру и не спрашивая "А сколько надо?", своевременно и адекватно реагировать на настроения в обществе, на изменяющиеся обстановку и тенденции, в том числе и по таким сложнейшим вопросам как война в Чечне, объединение с Белоруссией и т.п.

Совет второй. На смену отрицанию должен прийти принцип "Делай как я!" Личным примером членов "Яблока" каждый день доказывать

всем окружающим возможность работать, соблюдая закон, заботясь о людях, будь то государственная служба, управление или частный бизнес.

Совет третий. Искать компромисс с оппонентами, если это может приблизить нас к провозглашаемым целям. "Лучше добиться малого, чем не делать ничего!" Не отталкивать, а привлекать на свою сторону честных политиков, руководителей и практиков.

Совет четвертый. Одной из самых острых яблочных проблем является партийное строительство. Москва и Питер – это не вся Россия. Необходимо привлекать в свои ряды новых членов, во всех регионах наладить прямую и обратную связь с ними, упорядочить деятельность первичных и региональных организаций. Максимум пропаганды и агитации не перед выборами, а каждый день – на работе, дома, на отдыхе. Встречи и прямые разговоры по актуальным вопросам в аудиториях, на радио и телевидении, в центральной и местной прессе. Люди должны знать наши программы, принципы, способы решения проблем, наши конкретные дела. Критически относиться к себе, к своим промахам и ошибкам, анализировать их, делать выводы, а в необходимых случаях и корректировать тактику, участь, в том числе, и у своих оппонентов.

Не сдаваться, не унывать, не киснуть от неудач и ошибок, а мобилизовываться, работать. У членов партии и ее сторонников не должно быть неуверенности, растерянности. И примером тому должны стать ее руководители, начиная с лидера и заканчивая председателем первичной организации.

Юрий ДОРОШЕНКО,
кандидат в члены
Объединения

г. Кемерово

Закулисье

НАСТОЯЩИЙ ТЕРРОРИЗМ РАЗВЕРНЕТСЯ ПОЗДНЕЕ

Виктор Алексеевич Попков, без остатка посвятивший себя миротворчеству, с конца октября по начало декабря 1999 года проводил 36-дневную голодовку протеста против новой чеченской войны. Он прекратил голодовку по приезду в Чечню, где пробыл большую часть декабря. Виктор Алексеевич старался убедить чеченцев в том, что не все русские поддерживают ковровые бомбежки чеченских сел и ракетные удары по городским рынкам.

– Виктор Алексеевич, как давно Вы занимаетесь миротворческой деятельностью?

– С 1989 года. Сперва я занимался миротворчеством в Абхазии, затем в Молдавии и Карабахе. Потом снова была Абхазия, а в декабре 1994 года я впервые попал в Грозный.

– Чем отличалась тогдашняя Чечня от других "горячих точек"?

– Меня поразило отношение чеченцев к раненым российским военнопленным. Им предоставляли лучшее помещение, старались держать в тепле, кормили так хорошо, как могли, оказывали медицинскую помощь едва ли не в первую очередь по сравнению с ранеными чеченскими бойцами.

Иногда такое отношение к раненым русским военнопленным встречается у чеченцев и сегодня, на второй чеченской войне. Но, увы, уже далеко не всегда. Чем дольше длится этот конфликт, тем больше разрушаются нравственные нормы.

– Тогда Вам удалось освободить из чеченского плена несколько российских военнослужащих...

– Да, в канун нового 1995 года мы договорились с Масхадовым, что я сам отберу 8 человек из числа пленных, чтобы отвезти их в Москву и устроить пресс-конференцию. Необходимо было рассказать правду о той войне.

– Тем не менее, мы все знаем, что очень скоро в Чечне развилась торговля заложниками. Откуда это взялось?

– Любые сравнения с XIX веком здесь только вводят в заблуждение. После окончания Кавказской войны торговля у чеченцев исчезла, и до середины 1990-х годов она не возродилась. А распространению захвата заложников в 1995-96 гг. очень способствовали федеральные войска. В то время чеченцам приходилось выкупать своих родственников, оказавшихся в руках федералов, а также и тела погибших. Кроме того, федеральные войска вскоре стали умышленно захватывать состоятельных чеченцев, чтобы нажиться на выкупе.

В ответ чеченцы начали брать в заложники офицеров, чтобы освободить своих родных бесплатно, а не за деньги. А после окончания первой чеченской войны расцвету торговли заложниками содействовали такие личности, как Березовский, который платил за освобожденных заложников баснословные по чеченским меркам деньги.

– Чем отличается нынешняя чеченская война от первой?

– Одно из отличий я понял только в декабре 1999-го, когда снова побывал в Чечне. Меня поразило, насколько невысок был уровень доверия чеченцев к своему правительству накануне войны. Весь народ устал от бездальности экономического положения, от бессилия власти, от безнаказанности преступников. Многие чеченцы и сейчас говорят, что они одинаково не доверяют и федеральному, и чеченскому правительствам.

Казалось бы, в таких условиях федеральному правительству следовало бы проводить шадящую политику в отношении мирного населения. Но на деле мы видим прямо противоположное.

Пример – осознанный расстрел самолетов 29 октября 1999 года колонны беженцев, двигавшейся из Урус-Мартана в Ингушетию. Самолеты вели

огонь с очень малой высоты, и уцелевшие беженцы рассказывали, что даже могли разглядеть лица летчиков. Те знали, кого они убивают. Кстати, при этом погиб и российский тележурналист, пытавшийся вести съемку.

– Видите ли Вы какие-нибудь отличия в военной тактике?

– Я вообще не люблю вдаваться в чисто военные вопросы. Но могу сказать, что во время первой войны было нетрудно перейти и границу Ингушетии с Чечней, и линию фронта. А сейчас переход границы между Ингушетией и Чечней – трудная задача, а переход линии фронта – задача неразрешимая.

Вообще-то российская армия умеет воевать, когда ей прикажут воевать всерьез. И Чечня ни по людским, ни по военно-техническим ресурсам – не тот противник, который может долго противостоять России. Но в случае военной победы над Чечней России, возможно, предстоит столкнуться с системным терроризмом, которым занимались Организация освобождения Палестины и Ирландская республиканская армия. В нашей стране такого пока еще не было. Взрывы в Буйнакске, Москве и Волгодонске здесь не при чем. Я не верю, что чеченцы имеют хоть какое-то отношение к этим взрывам. Им это было совершенно невыгодно. Другое дело – наша нынешняя власть. Ей под угрозой полного провала на выборах было необходимо сформировать образ новой опасности и образ человека, способного этой опасности противостоять. Как известно, на эту роль был выдвинут Путин.

По существу федеральное правительство сейчас не борется с терроризмом, а создает предпосылки для его развития в будущем. Но есть надежда, что системного терроризма не допустят сами чеченцы. Со времен сталинской депортации этот народ очень сильно интегрирован с Россией. Больше половины всех чеченцев живет в России, за пределами Чечни. Но и из остающихся в своей республике многие зарабатывали себе на жизнь где-нибудь в России. Так было еще с 1960-х годов. Поэтому, чтобы избежать погромов или поголовной высылки в свою республику (а Россия не Англия, у нас это возможно!), чеченцы, возможно, сами предотвратят зарождение системного терроризма.

Я очень боюсь, что российское командование пойдет на использование запрещенных международными конвенциями средств. Поэтому я считаю совершенно необходимым присутствие в Чечне наблюдателей ОБСЕ и правозащитников – как российских, так и иностранных.

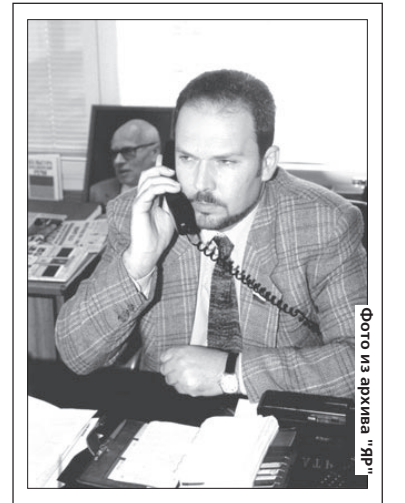
– Вы верующий человек, старообрядец. Во время Вашей 36-дневной голодовки протеста против войны встречали ли Вы какую-то помощь или сочувствие со стороны религиозных организаций?

– Я уже давно убедился, что со многими мусульманами у меня больше духовной близости, чем с частью тех людей, которые называют себя христианами. Полагаю, что все верующие, все религиозные объединения обязаны выразить печаль и скорбь по поводу нынешней войны, в которой уже погибли тысячи людей.

Беседу вел Иван СМЕРНОВ

Церемония инаугурации губернатора Московской области Бориса Громова и вице-губернатора Михаила Меня, состоявшаяся 2 февраля в Колонном зале Дома Союзов, собрала чуть ли ни весь цвет столичной политической элиты. Оно и понятно. Во-первых, это действительно значимый во многих смыслах регион, а во-вторых, еще свежа в памяти нешуточная борьба, разгоревшаяся в области за губернаторское кресло.

Наш корреспондент Наталия Демина побеседовала с депутатом фракции "Яблоко" прошлого созыва Госдумы, а ныне вице-губернатором Московской области Михаилом Менем.

Михаил МЕНЬ:

"Идет работа"

– Ваша первая мысль, когда Вы узнали о своей победе? Вы удивились или ожидали ее?

– Когда мы узнали результаты, моей первой мыслью было: "Сейчас начнется". И началось. Геннадий Селезнев стал говорить, что были фальсификации, и наша победа – совершеннейший абсурд. Особенно странно было слышать такие слова именно из его уст. У меня собрана вся грязь, которая выливалась на наши с Громовым головы. Нас пытались скомпрометировать в такой форме, что если я сделаю эти "сведения" достойным общественности, то Селезнева не впустят ни в одну страну мира. Поэтому ему лучше заняться другими делами, а не пытаться оспаривать итоги проигранных им выборов.

В победе я был уверен на 100 процентов, даже на тысячу, поэтому не стал баллотироваться по одномандатному округу. Мне все говорили: "Как же так? Почему ты не подстраховываешься?" Несколько храмов в Москве молились за нашу победу. Так что Бог с нами! Не мог Господь допустить того, что было задумано нашими оппонентами.

– Расскажите, пожалуйста, о Ваших первых шагах на посту вице-губернатора Московской области.

– Сейчас идет изучение ситуации в Московской области. Мы начинаем работать, входить в курс дела, участвуем в заседаниях правительства, оперативках и совещаниях. Была расширенная коллегия УВД Московской области. Там выслушали отчет милиции за 1999 год. Идет обычная рутинная работа.

– Стоит ли надеяться жителям Подмосковья на благоприятные изменения в социальной сфере или об этом еще рано говорить?

– Могу сказать, что ситуация в области очень тяжелая. Борис Громов и я знали об этом еще до того, как приняли решение баллотироваться в Московской области. Дефицит бюджета превышает 50 процентов. Мы хотим изменить структуру бюджета, сейчас над этим ведется работа. На области – серьезные долги, которые надо отдавать. В Подмосковье так все запущено, что хуже и быть не может. Однако, я уверен в том, что наша команда сможет изменить ситуацию к лучшему.